

Песня, отданная будущему

В зареве театральных рамп и торжественных декораций, в напряженной тишине концертных залов неизменно встает перед нами бессмертный образ великого Глазунова. Широкое лицо с крупными губами, прямые, устало опущенные на лоб волосы — таким запоминается нам композитор с детских лет и на всю жизнь.

Глазунов... С этим именем связаны и первые несмелые попытки воспроизводить на фортепьяно знакомые, врезавшиеся в память танцевальные мелодии, и знаменитый балет «Времена года», с каждым летом убыстряющие свой стремительный бег по жизни и переливающиеся всеми красками земли могучие симфонии.

Сегодня мы отмечаем 100-летие со дня рождения композитора, чье имя уже давно перелетело через все границы и стало достоянием всего культурного мира. Его жизнь, полная и творческих взлетов, и горестных раздумий, вошла в хрестоматию как страстная неоконченная песнь, рвущаяся в будущее, к солнцу, к счастью, к Родине.

Композитор жил на рубеже великих эпох, его музыка, как и жемчужное наследие его предшественников, впитала в себя накал титанических страстей и радость побед. «Есть упоение в бою у бездны мрачной на краю»... Здесь и предчувствие надвигающейся бури, и скалы, обгаренные лучами заходящего солнца, и белое облако чаек. Это — симфония «Море», написанная композитором в 1889 году, когда к нему вместе с вестниками шумного успеха и славы пришло неутомимое творческое беспокойство гения, улавливающего в самых чистых звуках смутную тревогу своего времени.

Время шло. Оно приносило с собой новые волнения, мысли и откровения. Они выразились с полной силой в звонко-голосой пламенной симфонии «Стенька Разин», в величавой, по-русски раздольной симфонической поэме «Кремль».

Ярость битвы, пламя страсти и уверенность в победе добра над злом — не этот ли пламенеющий клич слышим мы и по сей день в героической симфонии «От мрака к свету»? Что побудило написать его это произведение? Пусть биографы и музыковеды пишут статьи и монографии, проследив вая сложный путь творческих исканий и художественных влияний, одно навсегда останется неизменным — могучая вера Глазунова в силы справедливости и разума, в железную правоту истории.

И. может быть, именно здесь, в кипении нарождающегося века, композитор обретает свое новое место в среде передовой

русской интеллигенции, возглавляемой Максимом Горьким.

Это — переделка мира, вторжение в жизнь, Глазунов страстно и несказанно вырацивает драгоценные ростки передового искусства. Будучи премством связанным с «Могучей кучкой», композитор исходит из принципов, привитых русской музыкальной культуре Глинкой, Чайковским, Бородиным.

С последним его связывало нечто большее, чем родственность художественного мышления и образность. Еще в 1883 году Бородин со свойственной ему горячностью сообщает Францу Листу о том, что в России родился яркий музыкальный талант, который призван прозвучать в концертных залах Европы. Вскоре по настоянию Листа состоялось первое знакомство Глазунова с придирчивой европейской публикой. Оно состоялось в Веймаре, под сенью Шиллера и Гете. Молодой музыкант имел потрясающий успех и был горд. Но не менее горд был его учитель — Бородин. Знал ли он, этот безумно влюбленный в музыку химик, что через четыре года после триумфального путешествия по Европе двадцатидвухлетний Глазунов недогнувшей рукой завершит его бессмертное творение — «Князь Игорь»?

Неутомимое трудолюбие и колоссальная эрудиция всю жизнь сопутствовали замечательному композитору, оставившему в наследие своей Родине, кроме двух балетов, большое количество симфонических произведений, струнных квартетов, фортепьянных концертов и просто пьес, которые наполняют нас ясней, пьянящей и щекочущей радостью ощущения красоты и гармоничности всего живущего, летящего, поющего.

М. НОГТЕВА.